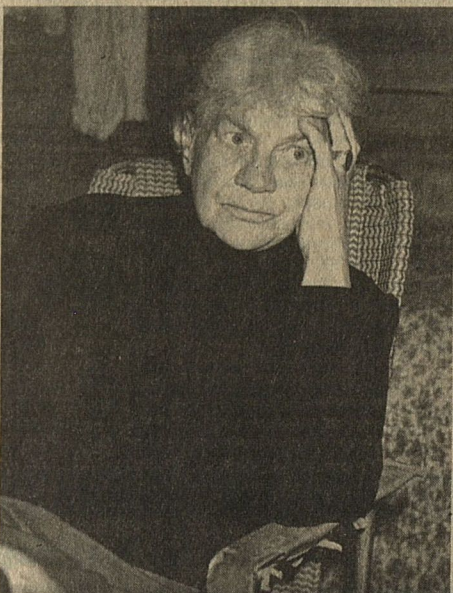

В Москве в Академии художеств открылась необычная выставка рисунков выдающегося кинорежиссера Сергея Эйзенштейна. Рисовальщиком он был поразительным и только этой гранью своего дарования уже мог бы войти в историю мирового искусства. Но выставка необычна не тем, что в залах Академии экспонируется кинематографист. А тем, что рисунки впервые показаны общественности и все они были подарены Сергеем Михайловичем замечательному человеку, о котором и пойдет сегодня речь. Я перелистал свои домашние архивы и достал запись десятилетней давности последнего интервью с ней, заслуженным художником России Лидией Ивановной Наумовой.

Январь, 1995

«Иван Грозный», «Летят журавли», «Идиот» — три странички отечественного кино, по праву принадлежащие к лучшим достижениям мирового искусства. Что соединяет эти такие разные фильмы режиссера Сергея Эйзенштейна, Михаила Калатозова и Ивана Пыррева? Одним из художников названных картин, как и многих других лент, была Лидия Ивановна Наумова. Ей посчастливилось? Или есть какая-то закономерность, справедливая логика ее творческого пути? Когда запуск космического корабля «Восток» стал в нашем сознании устоявшейся хрестоматийностью, невольно задумываешься о людях, которых объединил гений Королева и без которых не смог бы он совершить свой подвиг. Безусловно, это были талантливые сотрудники. Да и как иначе может быть, если настоящий лидер — будь то в технике или искусстве — раскрывает в каждом из своих приближенных то лучшее, что заложено в него природой. Как здесь не вспомнить крылатую фразу Эйзенштейна: «Я с бездарностями не работаю!».

Мягкая московская зима. Только что пришел новый 1984 год. Не верится, что поднимаешь сейчас трубку, наберешь знакомый номер телефона и услышишь на другом конце провода голос, который от созерцания сказочно-мирных снежинок перенесет тебя в прошлое, в годы военных испытаний. Более сорока лет назад (половина прожитой жизни) Наумова встретила войну на боевом посту кинематографиста. Сидя в уютной квартире пожилого интеллигентного человека. Чай, незамысловатый ужин и тихая доверительная беседа. На стенах рядом с

Лидия Наумова:

«Я спала на столе в костюмерной»

Век. Москва. — 1995. — 28 февр. — С. 7.

ее живописными этюдами Подмоскovie, натюрморты, эскизами театральных постановок висят и произведения, написанные кистью известных художников, — Евгения Лансере, Кукрыникова, Юрия Пименова — свидетельства давних дружеских симпатий и человеческих привязанностей. Большие раскрытые папки, доверху заполненные письмами, фотографиями, записками, афишами, программками кинопремьер, ждут начала рассказа.

— Я об Эйзенштейне могу говорить часами. Да что часами! Днями, неделями — всем временем, прожитым рядом с ним на его последней картине, — начинает Лидия Ивановна и раскладывает на столе пожелтевшие снимки. — Называл он меня Лидешником, считал ну «своим парнем» что ли. Виктор Шкловский пишет, что Эйзенштейну не везло на женщин. Писатель не прав: такую глубину, как Сергей Михайлович, нельзя было не заметить. Но Эйзенштейн слишком принадлежал искусству, творческой деятельности и ни на что другое не растратывал себя. В то же время он был очень прост и естествен во взаимоотношениях. Творил мощно, в открытую, публично, не боясь посторонних глаз, а может быть, и вдохновляемый ими. Людям доверял бесконечно, но только тем, кого принимал творчески. С ним спорили, доказывая правоту своей точки зрения. И Эйзенштейн соглашался, если аргументированность доказательства его убеждала.

Часто из-за большой занятости режиссера с ним не было возможности поговорить лично. Тогда к нему обращались письменно. И он, на всю жизнь «крутой папачка», всегда все делавший «на отлично», отвечал всем незамедлительно и по существу возникшей проблемы. Вот, возьмите этот конверт и прочтите письмо, адресованное мне. И вы почувствуете, как наглядно, во весь рост поднимается здесь масштаб требовательности и высочайший профессионализм режиссера:

«Дорогая Лидия Ивановна!

Письмо Ваше содержит ряд неточностей и не-правильностей.

1. Я еще не доволен до полного умоисступления всем сонмом навалок, среди которых работаю, а потому кое-что еще соображаю сам, не нуждаясь в подсказках со стороны кого-либо.

2. Вы густо и необоснованно преувеличиваете сделанные Вам замечания, расширяя области их приложения ко всей Вашей двухлетней деятельности. Ежели бы эта деятельность характеризовалась бы подобными качествами, то ее давным давно уже не было бы.

3. Но с другой стороны Вы резко преуменьшаете вину свою, сводя дело к «превышению власти» в отмене холщовой рубашки. Дело вовсе не в этом, а в том, что Вы поставили меня в необходимость снимать то, что мне подсунуто в канун съемки. Это самое скверное, что может быть, тем более, что я за восемь дней поручил Вам это сделать с тем, чтобы можно было поправить и переделать не во время съемки или ночью на сне, а накануне! Такой случай уже был совсем недавно с воротниками от-роков, которые мне были сунуты прямо в кадр, в недоделанном виде (но там, кажется, можно было прикрыться спешной переделкой). Здесь же никаких оправданий нет, и Ивану пришлось снимать в отвратительном халтурном виде.

4. Крайне меня удивило, что Вы не приняли никакого участия в переделке воротников иностран-цев, бросив еще и это дело на меня, хотя у меня и

без Вашего участка достаточно пухнет голова.

5. Мое исключительно хорошее отношение к Вам Вы знаете, но... кому много дано, с того много и спросится, и чем мне человек ближе, тем более рьяно и внимательно ему следует относиться к тому, что он делает в общем деле.

Надеюсь, что пост и бессонница Ваши прошли, и уверен в рьяности Вашей в дальнейшем.

Привет, Эйзенштейн!».

— Да, форменный разнос! — подхватывает Лидия Ивановна чтение письма. — Слышу внутри себя голос Сергея Михайловича, а строки, ругающие меня, звучат возвышенным гимном творческой совести. Он был прав в том эпизоде нашего расхождения, что и породило «сердитость» данного послания.

— Да, кстати, а как Вы познакомились с Сергеем Михайловичем?

— Надо было так сложиться моей судьбе, что после книжной графики, работы по оформлению музейных интерьеров, театральных постановок я пришла в кино, что навсегда определило мой профессиональный выбор, но первый фильм в моей жизни — «Иван Грозный». Вспыхнула Великая Отечественная война. Эвакуация. Работники киностудии «Мосфильм» переезжают в Алма-Ату. Сюда же прибыл и «Ленфильм».

Город становился культурным и промышленным центром страны. Несмотря на невероятные жилищные и бытовые трудности, правительство Казахстана отдало двухэтажному (!) коллективу прибывших кинематографистов единственные в городе Дворец культуры и гостиницу «Дом Советов», кинотеатр «Ала-Тау» со всеми подсобками и большой земельный участок, а также новый двухэтажный дом, где в каждой из десяти квартир разместились режиссеры, операторы, видные организаторы производства. В шутку дом этот получил название «Лауреатник».

— Крохотную комнатку в «Лауреатнике» получил и Сергей Михайлович, — говорит далее Лидия Ивановна, — а домоправительница и одновременно по совместительству «начальство» режиссера, женщины в летах тетя Паша, которую побаивались не только приходящие, но и сам Эйзенштейн, расположилась рядом, на кухне этой же квартиры, где готовила скромную трапезу и вела хозяйство. Вгиковцы, студенты его мастерской, принесли со стройки пустые ящики и расставили их по периметру комнаты. Главное богатство дома — книги по искусству эпохи Возрождения, Евангелие. Золототканые ризы, подсвечники, привезенные им из Москвы для съемок, старая раскладушка под большим дарственным портретом любимого Чаплина — вот и весь его быт. Климат высокогорного края, разреженность воздуха плохо влияли на сердце Сергея Михайловича. Он часто оставался дома один, и поэтому к актеру Борису Чиркову, жившему за стеной по соседству, было пробито окно «на всякий случай». Но по вечерам у Эйзенштейна было шумно и многолюдно. Приходила сюда и я. Обсуждались события на фронте, готовились к предстоящим съемкам у кипящего до глубокой ночи самовара...

— И все же, как произошла Ваша самая первая встреча, как начали Вы с ним работать?

— Киногруппа будущего фильма еще не была до конца укомплектована. В отделе кадров мне предложили принять участие в работе над картиной, но скорее участие не творческое, а техническое: с работой тогда было трудно, и я согласилась. Но выполнять всевозможные заказы, заполнять бесконечные бланки было неинтересно, и я начала эски-

зировать костюмы, скорее для себя, чем для кого-либо.

И вот однажды проходит Эйзенштейн по студийной комнате, в которой мы все сгрудились вместе — и художники, и режиссеры, и комбинаторы, и администрация картины. Подошел к моему столу, заваленному всевозможными ведомостями и отчетами, и острым взглядом находит в этой бумажной неразберихе мои карандашные «почеркушки». «Рисуйте не костюмы, а персонажи — бросил он. — Что юбки делать, пиджаки чертить! Делайте образы!» С этого мгновения и занялась я «официально» проектированием костюмов фильма. Так я познакомилась с гением, и память о нем, каждое его слово, жест, походку несу через все воспоминания своей жизни. Но то, что он был и остался гением на все последующие времена, понимаешь лишь сейчас, с дистанции многих ушедших лет. К естественным трудностям военного лихолетья, бедности производственных мощностей прибавлялись и трудности бытовые. Спала Наумова на столе в костюмерной. На ее заявлении к директору студии с просьбой найти хоть какое-нибудь место в городской гостинице стоит знакомый почерк человека: «Всячески поддерживаю просьбу тов. Наумовой, которая является первоклассным и нужнейшим для нас работником. Эйзенштейн. 31.03.42». Однажды она заболела и получила записку: «... Излечивайтесь — в Вашей печенке — я! С.Э.». А еще через некоторое время: «С новым годом, дорогой Лидешник! Вы прекрасно знаете, чего я Вам желаю — надеюсь, того же Вы желаете и мне. И поправляйтесь скорее. Эйзенштейн. 03.01.43». Но затем, после высочайших физических и духовных напряжений, связанных с постановкой «розового», он, уже будучи в Москве, после обширного инфаркта миокарда сам попадает в больницу. Щадящий режим, ограничение посещений... Лечащий врач передает ей записку:

«Дорогая Лидия Ивановна!

Как всегда — на мне чернейшая клевета: на этот раз, что я не принимаю девушек. Начиная с Любови Петровны Орловой их у меня перебивала целая гирлянда — как отечественных, так и заморских. Беда в том, что доступ очень малый и очень много деловых свиданий (вплоть до киноиздателя!). При первом же просвете устройте Вам пропуск. Сидеть я еще не мастер: после получаса кресла — лежу, как разбитый. Очень грустно «за искусство», но что же делать — я хоть поинвалидничая некоторое время, а может, последует чего-нибудь с другого фланга. Очень тронут, что Вы меня не забываете. Сердечно Вас обнимаю. Ваш Эйзенштейн».

За что же ценил он художницу? Конечно, за сплав человеческих и профессиональных качеств. За ее Личностное начало, за что прощал ей неизбежные недочеты в своем Авторском кинематографе. («Я никогда не была спицей в колеснице Эйзенштейна, и он уважал меня за это.») Костюм в трактовке Наумовой помогал актерам найти нужный жест, характер поведения.

— Но в алма-атинский период, — завершает нашу встречу Лидия Ивановна, — Сергей Михайлович придумал, другого слова и не найдешь, именно придумал, подписываться непонятным на первый взгляд иероглифом, который на самом деле расшифровывался очень просто. Буква «М» — Москва — перечеркнута горизонтальной линией: группа уехала из Москвы. Получившийся после перечеркивания знак образовывал две рядом стоящие буквы

«АА», то есть аббревиатуру столицы Казахской республики. Ну а под левой и правой сторонами знака, у основания букв, он ставил день и месяц, а также год...

— Но почему бы Вам не взяться за книгу! — неожиданно для самого себя перебиваю я собеседницу. — Собрать воедино все встречи, события. Ведь уйдет же все безвозвратно! Вашу жизнь никто заново не переживет, каждая человеческая судьба уникальна и неповторима. Ведь помимо «эпохи Эйзенштейна» в Вашей кинематографической биографии были и Калатозов, и Пыррев, и Михаил Ромм, и Григорий Рошаль. Вы учились в Строгановке у Родченко, работали с Маяковским, дружили с Дейнекой, встречались с Пабло Пикассо... А Ваша прекрасная семья — кто о ней расскажет, тепло и с благодарностью, как не Вы! Отец И. Н. Жаров — сменный мастер, печатник. Мать — швея. Четверо детей вырастили они, и каких! Один — известный всей стране артист, а три девушки стали работниками юстиции, сотрудником МВД, художником. И Ваши глубоко личные переживания: гибель мужа, за-

Эскиз костюма Ивана Грозного

тем — и маленького сына, другие испытания...

— Поздно! Многие не восстановились в памяти. Мысли разбегаются, не слушаясь головы хозяйки. Раньше следовало бы начать!

Дверь Воспоминаний закрылась.

Леонид КОЗЛОВ
Январь, 1985